

В-1038
А/2

АБАЙ
ИЗБРАННОЕ

Абай Кункида

АБАЙ
ИЗБРАННОЕ

МОСКВА
«РУССКИЙ РАРИТЕТ»
2006

ББК 9

А 13 Қазыбаев атындағы

А 13 Солтүстік Қазақстан

МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІ

Составитель

Сауле Мансурова

Абай.

А 13 ИЗБРАННОЕ. – ИПЦ «Русский раритет», 2006. – 240 с. – (Мудрость веков).

Абай Кунанбаев (1845–1904) – великий казахский поэт и мыслитель. В книгу вошли лучшие поэтические произведения Абая и его знаменитые «Слова-назидания».

ББК 9

Второе издание

Подписано в печать 21.07.06. Формат 60х84/64.

Бумага офсетная. Печать офсет. Печ. л. 3,75.

Тираж 5000 экз. Заказ № 81.

ИПЦ «Русский раритет».

119002, Москва, Денежный пер., 22.

Отпечатано с электронной версии издательства
в ОАО «Издательство «Советская Кубань».

350000, Краснодар, ул. Рашпилевская, 106.

© Мансурова С.А., составление, 2006

© ИПЦ «Русский раритет», оформление, 2006

ISBN 5-7034-0107-0

КІТАПХАНА

Известно, что Абай всегда мечтал быть не сыном отца, а сыном Отечества. И сегодня он достиг своей мечты и гордо восседает на самом почетном месте нашего торжества как признанный всем миром мудрый и прозорливый учитель, поэт и гений человечества.

*Нурсұлтан Назарбаев,
Президент Казахстана*

*Из доклада «Слово об Абая»
9 августа 1995 г.*

АБАЙ – МЫСЛИТЕЛЬ И ПОЭТ

У каждого народа мира есть духовные авторитеты, которые постоянно питают его своей живительной влагой и творения которых выражают суть души этого народа. Таким для казахского народа является наш великий поэт и мыслитель Абай Кунанбаев (1845–1904 гг.).

Творческое наследие Абая остается безмерным интеллектуальным пространством, которое соткано из живых мыслей, не только не теряющих со временем своей новизны и актуальности, но востребован-

ность которых возрастает из года в год. Мы продолжаем и поныне неустанно черпать из его произведений самые важные и самые необходимые для нас ориентиры для своего бытия.

Духовный подвиг поэта выразился в том, что в трудное для народа время он сумел поднять стойкость национального духа, учил соотечественников упорству и терпению, взывал к учению и знанию. Современности глубоко созвучны идеи Абая о том, что народы должны жить в мире. Абай воспринимал человечество в цельном единстве, не разделяя его на Восток и Запад.

Он был убежден в необходимости постоянного стремления обогащаться культурным наследием друг друга. Вся его жизнь была бескорыстным примером служения именно этой идее. Как никто другой он приближал своих соплеменников к вершинам мирового духа — переводил Пушкина и Лермонтова, Гёте и Шиллера, Байрона и Мицкевича, изучал труды Аристотеля и Сократа, Спинозы и Спенсера. Он был настоящим энциклопедистом, не только выдающимся поэтом и литератором, но и философом, мыслителем, общественным деятелем и просветителем.

Общезвестно особое отношение Абая к России, к русской культуре, к которой он питал неизменное уважение.

Наши российские друзья издавна почитают творчество Абая и ставят его в один ряд со всемирно известными мыслителями. Нескончаем интересе россиян к личности и творчеству казахского мыслителя. Лучшие российские литераторы М.Дудин, В.Шкловский, Ю.Нейман, М.Тарловский донесли в своих переводах абаевских произведений мысли и чувства нашего великого соотечественника.

Абай оказал огромное влияние

на своих современников. Безусловно, он был автором выдающихся трудов, имевших колоссальное воздействие на все последующее развитие казахской литературы. Его поэзия универсальна и по-настоящему современна, поскольку далека от неких надуманных формальностей и глубоко реалистична. Это искренняя социально-философская лирика, которая находит у сегодняшнего читателя такой же благодарный отклик, как и свыше века назад, и которая столь же чувственно раскрывает весь многогранный спектр внутреннего мира человека.

В предлагаемую читателю ми-

ниатюрную книгу вошли лучшие поэтические произведения Абая и его знаменитые «Слова-назидания». Давно ставшие достоянием всего человечества, они, безусловно, отвечают самым высоким эстетическим требованиям читателя любого уровня.

В то же время хотелось бы, чтобы произведения эти нашли отклик в первую очередь у молодых читателей, которые только вступают в самостоятельную жизнь. Наверняка стихи Абая будут для них одним из самых важных ориентиров в сегодняшней непростой жизни. Они могут дать возможность разоб-

ратся во множестве трудных нравственных проблем, которые волнуют молодых людей. А такие вопросы, как показывают жизнь и история, возникают всегда, в том числе и в период новых информационных технологий.

Абай во все времена будет оставаться одним из тех мыслителей, который, мы смеем надеяться, всегда поможет найти достойные ответы на самые главные вопросы жизни.

Сауле Мансурова

СЛОВА – НАЗИДАНИЯ

(фрагменты)

ПЕРВОЕ СЛОВО

Хорошо ли, плохо ли жил, но вот состарился. Прожита жизнь — спорил я, боролся, судился, имея одни хлопоты, и в них обессилел, устал и убедился в бесцельности всего сделанного.

И вот оказалось, что все, что было, — было только унижением человека.

Как же прожить мне остаток своей жизни? Не найду ответа.

Править ли мне народом? Нет, управлять им нельзя. Если этого не

хочет даже тот, кто призывает на свою голову любую беду, не хочет этого даже молодежь с неостывшим сердцем, то я, старик, тем более не хочу. Нет, я не знаю, как им править. Так упаси меня бог от дела, которое мне не по силам.

Умножать ли мне стада? Нет, я не хочу заниматься этим. Пусть дети разводят скот, сколько им вздумается. На старости лет я убедился, что не стоит тратить остаток дней на умножение скота для добычи воров и попрошайек. Умножать ли мне знания? У кого учиться, кому передать свои зна-

ния и для кого их пополнять? Без народа нет и жизни. Какая польза в том, что ты разложишь в пустынe ситец и сядешь рядом с ним, взяв аршин в руки? Раз нет человека, с которым можно было бы поделиться своим горем и радостями, то сама наука — горе, и она только ускоряет старость.

Может быть, мне стать благочестивым и заняться исполнением всех обрядов религии? Нет, и этого не стоит делать, потому что и для этого нужен покой. Какое может быть благочестие, когда ни в чувствах, ни в жизни нет покоя?

Может быть, мне заняться воспитанием детей? Нет, я не хочу воспитывать детей. Может быть, я воспитал бы их, только вот не знаю, как. Я не знаю, для чего их воспитывать, к какой цели их вести, для какого народа их готовить. Я не вижу для своих детей места, в котором они могли бы радоваться жизни. Я не знаю, по какому пути направить их. Для чего же я буду снаряжать караван, если я не знаю, куда мне его посылать? Так сидел я, не зная, что делать. Наконец, решил: буду развлекаться бумагой и чернилами,

буду писать подряд все, что вздумается. Если найдется человек, который увидит здесь нужное для него слово, то пусть выпишет слово и сделает его делом; если же никому не нужны мои слова, то пусть они останутся словами. Так я решил, на этом я остановился, и теперь нет у меня иного занятия, кроме этого писания.

ВТОРОЕ СЛОВО

Не любят народы друг друга. В детстве мне часто приходилось слышать, как наши казахи, встречаясь с узбеками, называли их «сартами», подсмеивались над ними: «Ах вы, такие-сякие, широконолые, тарабаристые. На глазах сладкие, за глазами ругательные. Ах вы, сарты». По-нашему ведь «сарт-сурт» — значит «грохот», и «сарт» — значит — «грохотало». Так мы смеялись над соседями. Встречаясь с ногайцами — татарами,

тоже ругали их и над ними смеялись: «Ногаец верблюда боится, верхом на лошади устает, а пешком отдыхает. Не ногойцы они, а нокайцы, что значит «неуклюжие». Ни в чем у них нет ловкости, и трусы-то они, и крохоборы». Если встречались с русскими, то смеялись над ними за спиной: их мы считали людьми необузданными, людьми доверчивыми. Я тогда думал, что, кроме нас, нет хорошего народа, и что самый лучший в мире народ — мы, казахи.

Так радовался я, ругая соседей, забавляясь руганью и смехом.

Теперь я вижу — нет такого растения, которого сарт не сумел бы вырастить. Нет такой вещи, которую он не сумел бы смастерить. Нет такой страны, куда бы не проник купец-сарт. Живут они друг с другом дружно. Прежде только от них и приходила к нам, живым, одежда, а мертвым саван. Голыми мы остались бы без сартов, если бы не покупали всего у них, отдавая им свой скот, выращенный с такими заботами. И теперь, при русских, быстрее переняли сарты русские знания и русское мастерство. Обходитель-

ность, чистота, вежливость – все у сартов.

Смотрю на татар – они могут быть хорошими солдатами, умеют стойко перенести бедность, не боятся смерти, умеют строить школы. У них, как и у нас, есть муллы. Они соблюдают законы религии. Татары умеют трудиться, богатеть; жизненные удобства – все у них. К их богачам наши идут за хлеб в слуги и в батраки. Даже нашего бая они выгоняют из своего дома и говорят ему: «Этот пол не для того сделан, чтобы ты топтал его своими грязными ногами». Все

это от того, что они дружно работают, овладевают мастерством. Вот что приводит их к достатку.

О русских нечего и говорить. Мы не можем сравниться с их прислугой.

На чем же основана наша хвастливость и те пренебрежительные слова, которые мы говорим о своих соседях?

ТРЕТЬЕ СЛОВО

Почему же казахи не любят друг друга? Почему они не правдивы, почему они добиваются чинов? Великие мудрецы давно сказали: каждый лентяй – трус, бессилен. Бессильные не бывают храбрыми, бессильный всегда хвастлив. Каждый хвастливый всегда невежда, всякий невежда всегда глупец, и всякий глупец бесчестен. Лентяй становится жадным и никому не нужным попрошайкой. Это оттого, что нет у

многих из нас иной мысли, кроме мечты об увеличении поголовья скота. Нет у нас земледелия, торговли, мастерства, науки. Люди думают только об умножении скота. Умножив стада, они передают их пастухам, а сами, наевшись мяса, напившись кумыса, хотят наслаждаться любовью и скачками. И вот праздность делает для человека тесными его кочевье и зимовье. Ему кажется, что мало у него земли для стад, которых он сам не видит. И он отбивает землю у соседа кляузами, взятками начальству, насилиями. А сосед

старается вытеснить другого соседа или уходит с места, на котором жили его предки.

Мы даже радуемся бедности своего народа, потому что чем больше бедных, тем дешевле рабочие руки. Мы радуемся, когда люди лишаются скота, потому что тогда освобождаются пастбища. Разве мы друг другу желаем добра? Мы хотим обнищания соседей, а те хотят, чтобы мы разорились. И вот так мы все перессорились. Но и для вражды надо иметь силу. И вот мы стали оспаривать друг у друга должности

волостных старшин и биев. Степь широка, но она нам стала тесна, а люди не уходят в чужие края, люди не пахут землю, не торгуют. Нет, они торгуют, только по-своему: они поочередно продают сами себя – сегодня одному, завтра другому. В раздорах покупают люди в степи себе сторонников, перепродают голоса и влияние. Степь полна вражды и воровства. Кто же может укротить вора, когда, опираясь на воров, все враждуют друг с другом? Кляуза населяет степь, на лучших людей страны клеветают, против них возбуж-

дают уголовные дела для того, чтобы на выборах лишить этих людей права быть выбранными. Мы не сеем хлеба, но мы сеем раздоры, мы выращиваем ложных свидетелей, которые могут подтвердить, что они видели то, чего они не видели, и слышали то, чего не слышали. Мы умножаем врагов.

Что делать в степи честному человеку? Если умолять врага, если согласиться с ним во всем, то, значит, ты сам нечестен, а если бороться с врагом, то станешь ты жить в вечных хлопотах и не найдется у тебя времени ни для ка-

кой работы. Старшины живут обманом, и войлок под их задами постелен хитростью, и они посажены на него неправдой.

Есть пословица у казахов: «Не в деле, а в человеке сила». Значит эта пословица, что ничего не достигнешь правдой и все получишь обманом. Для обманов мы выбираем волостного правителя на три года, и первый год мы докучаем ему, рассказывая про свои обиды, а он нас только слушает, и мы упрекаем его: «И для чего мы избрали тебя? Ты ничего для нас не делаешь». Второй год правитель

заботится о том, как бы опорочить своего соперника, чтобы тот не мог сесть на это место после следующих выборов. Третий год правитель всех выслушивает и обещает все изменить, если его выберут снова старшиной. Так проводит он все время в пустых хлопотах. Хоть бы мы тех людей избирали, которые получили образование на русском языке. В этом был бы хоть какой-нибудь смысл. Во-первых, это побудило бы казахов обучать большее количество детей. Во-вторых, такой человек не зависел бы от степных

управителей, а был бы зависим от закона.

Не на пользу, а явно во вред народу избираются сейчас бии-судьи. Избираются люди невежественные; им нужно знать своды старого обычного права: «Путь, проторенный Касым-ханом», «Старый путь Есим-хана» и «Семь сводов справедливости Азь-Тауке-хана», составленные на совещании в Куль-тобе.

Надо понимать и различать, что в этих законах устарело, что нужно заменить. Но избираемые теперь судьи не сумеют найти ра-

зумную замену. Ведь и прежде говорили люди: там, где два бия, там четыре спора.

Бии множат споры. Чем умножать количество биев и споров, лучше выделить из каждой волости по трое судей и сделать их несменяемыми. Пусть их сменяют только за преступление. Пускай дела решают двое из них, а третьего приглашают со стороны. А если бы и эти не решали дела, то брать для решения одного из трех постоянных судей. Может быть, тогда наши споры решались бы быстрее.

ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Тот, кто умеет внимательно смотреть, знает, что глупый смех похож на опьянение.

В самом деле, пьяный человек — легкомысленный; когда он говорит, от его слов заболевают головы слушателей.

Беспечный смех приводит того, который ему предается, к расстройству хозяйства, к растрате ума и к разным неблагоприятным поступкам. Можно сказать, что такие люди или в этой жизни, или

в загробном мире будут наказаны. Разумный человек к своим делам относится внимательно, и это приводит его к довольству. Я не хочу, чтобы мы все время горевали — никакая душа не выдержит такой постоянной печали. Но горе должно быть разумное, и такого горя не надо избегать; огорчайся тем, что у тебя мало горя, избавляйся от пустых забот настоящей работой. Каждая настоящая работа уменьшает горе. Значит, избегай горе, гони его от себя не пустым смехом, а разумным трудом. Значит, не отдавайся горю в плен, не

запирайся в свои несчастья — это тоже неправильно.

Не радуйся преступлению дурных людей, не наслаждайся смехом — сердись на зло, смейся гневно.

Смех с досады — это не радость, а горе. Такому смеху ты сам не будешь постоянно предаваться. Этот смех не похож на опьянение. А если будешь смеяться от удовольствия, увидя, что есть хорошие люди и высокие подвиги, то смейся смело. Но не разбрасывайся в веселье. Не хвастайся весельем, не разливай его, как пьяный

разливает свое питье. Есть смех, который не рождается в сердце, а идет только из груди. Это деланный, подкрашенный смех. Не увлекайся таким смехом. Человек рождается, плача, умирает, сердясь. Не видя счастья жизни, преследуя друг друга, хвастаясь друг перед другом, теряем мы бедную жизнь, не видя ее, унижаем непристойными поступками, пренебрегаем ею, как песком, как гнилой веревкой, а когда она подходит к концу, то плачем и не можем купить и одного дня жизни за все свое состояние.

А стоит ли та жизнь, которую ты прожил, жалости?

Жить хитростью, жить слезливыми просьбами — это не значит жить, это значит существовать, как существует собака.

Если хочешь жить достойно, живи трезво, опираясь на свою силу, трудись, и земля принесет тебе свои плоды и не оставит тебя в ничтожестве.

ПЯТОЕ СЛОВО

Писал про смех – теперь напишу про горе. Скорбь сжимает грудь, ослабляет все суставы тела, исторгает из человека слезы и потоки жалоб. Сколько раз я слушал, как говорили казахи:

«Господи, сделай нас беззаботными, как младенцев». Значит, у казахов есть заботы, и они считают себя взрослыми.

Но если спросить у них: какие у них заботы, какое горе они знают, то они ответят пословицами: «Дана тебе жизнь на полдня, а

средства имей на целый день», «Бедному и отец не родня», «Скот – печень человека», «Богатому свет, а бедному тьма», «Храбрец и волк найдут пищу на дороге», «Берущая рука привыкает и отдавать», «Тот, кто сумел нажиться, тот и прав», «Избегай озер глубоких и людей скупых», «Если голоден, скачи в дом, где идут поминки».

Много у нас пословиц, но не говорится в них о науке, о знании, о справедливой и спокойной жизни.

Человек любит свой скот, как собственные свои потроха. Он хочет получить все обманом. Если

ему не дадут, хочет ограбить. Человек не боится ограбить даже отца. Так на что же жалуются казахи? Разве их мудрость не похожа на мудрость младенца?

Но даже дети знают, что раскаленный камень жжется, а взрослые не боятся преступления. Когда детям бывает стыдно, они готовы провалиться сквозь землю, а люди, создавшие эти пословицы, очевидно, ничего не стыдятся, они отрекутся и от тебя, если ты не будешь на них похож.

И вот страна, в которой я живу, и вот народ, который я люблю.

ШЕСТОЕ СЛОВО

Одна из казахских пословиц гласит: «Начало умения в объединении. Начало достатков в труде».

Но что такое единение и как его достичь — казахи не знают.

У казахов выходит так, что единение — это общность скота, еды и одежды.

Но если это так, то какая же польза от богатства и какой убыток в бедности? Зачем искать богатства на стороне, если оно есть

у тебя в роду и его можно выпросить? Но это ли единение?

Нет, единение в общности мысли, в общих намерениях, а не в мнимой общности богатства, которое будто бы можно выпросить у своей родни. Дорожа такой жизнью, считая только смерть врагом, человек становится врагом всего высшего и извечного: спасая низкую жизнь, бежит человек от врага, получает славу труса, бежит от труда и получает славу лентяя, становясь врагом всего хорошего.

Нет, такая жизнь не жизнь. Вот

когда у человека жива душа, живо сердце, вот тогда жизнь жива. Если ты сам как будто жив, а сердце твоё мертво, то ум твой пропал. У тебя не будет силы на труд.

Есть стихи:

Никчемный лентяй, насмешник,
Ты радуешься, что у тебя всегда
готова еда.
Ты суетишься, внутри ж ты
ничтожен,
Не знаешь конца своего,
не знаешь стыда.
Лучше праведная смерть, чем
такая жизнь.

ДЕВЯТОЕ СЛОВО

Я сам казах. Люблю я казахов или не люблю? Если бы любил, то хвалил бы их поступки, находил бы в них хоть одну черту, достойную человеческой любви. Или, чтобы хоть не терять надежды, утешал бы себя мыслью: «Если нет у них этого, то, может быть, есть другое». Должен был бы я хоть как-нибудь поддерживать в себе веру. Но нет этого у меня. А если бы не любил я казахов, то не посещал бы их круга, не интере-

совался, что происходит среди них, и спокойно лежал бы в стороне. Или откочевал бы от них. Но нет у меня ни того, ни другого. Не думаю я: исправлю я их. Нет у меня надежды, что они сами исправятся. И вот я существую, но не живу. От досады на них, от досады на самого себя живу здоровый снаружи, мертвый внутри. Сержусь, но в сердце нет гнева. Смеюсь без радости. Произносимые мною слова как будто не мои. Все стало чужим.

В те дни, когда я еще верил, я часто думал бросить казахов,

уехать куда-нибудь, но тогда еще я любил их и надеялся на них. Теперь я узнал их совершенно, потерял всякую надежду, погасла всякая вера, и не хочу я даже уехать куда-нибудь, не хочу породниться с чужими, привыкнуть к ним. Стал я человеком с пустой грудью и думаю, что, может быть, и хорошо жить так, чтобы встретить конец, не жалея об ушедшем, умирать, не горюя, а устремляя взор надежды на будущее.

ДЕСЯТОЕ СЛОВО

Некоторые молятся, прося у бога ребенка. Но для чего человеку ребенок? «Если умру, — думает человек, — пусть останется наследник, пускай он помолится после моей смерти, а когда состарюсь, то прокормит меня сын».

Справедливо ли это желание? Человек хочет, чтобы сын заступил его место. Человек, ты думаешь, что имущество без тебя останется без хозяина? Тебе ли заботиться об оставшемся имуще-

стве? Почему ты ревнуешь других к своим вещам, лежа на смертном одре? Хорошие дети – радость, плохие – горе. Знаешь ли ты, каким будет ребенок, которого ты просишь у бога? Мало ли тебе тех мук, которые ты сам перенес в жизни? Мало ли ты совершил собачьих поступков? Почему же ты хочешь, родив ребенка, передать ему свою собачью жизнь и муки?

Ты хочешь, чтобы после твоей смерти твой сын молился за тебя. Но если ты многим сделал добро, то кто же не помолится за

тебя; если же ты сделал много зла, то что тебе даст молитва сына? Или ты думаешь, что сын твой после твоей смерти сделает за тебя то, чего ты сам не сделал? Такой ли ты отец и такова ли твоя страна, чтобы ты мог воспитать хорошего ребенка? Ты хочешь, чтобы он прокормил тебя в старости? Пустая вера. Да доживешь ли ты до старости? А если доживешь, то будет ли твой ребенок хорошим и способным тебя прокормить? Если у тебя будет скот, то кто тебя не прокормит? Если у тебя не будет скота, то чем тебя будет кор-

мать сын? А сможет ли твой сын сам умножить стада – это темно и недостоверно. Хорошо. Даст тебе бог ребенка, но сумеешь ли ты его воспитать? Нет, не сумеешь, и будешь ты отвечать не только за свои грехи, а станешь соучастником грехов своего ребенка. Подумай о том, правильно ли ты сам относишься к вещам, – и твое беспокойство уменьшится. Ты начинаешь обманывать своего сына с раннего детства, суля ему то одно, то другое. И забавляешься тем, что обманул ребенка. Но если твой сын станет обманщиком или

лгуном, то, спрашиваю я тебя, кто его научил?

Потом ты научишь его ругать других, а сам будешь защищать его и прощать его озорство и этим окончательно испортишь ребенка. Потом ты отдашь его в ученье и наймешь самого дешевого муллу, думая, что хватит с твоего сына уменья читать и писать.

Сам ты учишь сына хитрости, говоришь, что вот такой-то мальчик за глаза его ругает. Вот и все твое воспитание. И почему ты после такого воспитания ждешь добра от своего ребенка? Еще ты

молишься о богатстве, но для чего тебе эта молитва?

Вот бог дал тебе силу, достаточную, чтобы ты трудился. Но ты не работаешь. Бог дал науку, но ты не учишься. Бог дал тебе разум, но ты его растерял. Ты бы стал богатым, если бы трудился без лени, терпеливо искал и благоразумно работал. Но тебе не этого нужно: ты хочешь получить богатство угрозами, обманом, попрошайничеством. Вот чего ты хочешь.

Ты враждуешь с людьми, теряешь доброе имя, выпрашиваешь подачки.

Ну вот, хорошо, ты пришел, наконец, к цели, приобрел скот. Но сумеешь ли ты воспользоваться богатством и получить знания? Нет, ты и сам не смог познать. Значит, ничего не узнает и твой ребенок. Без науки же нет благ ни на том, ни на этом свете.

Молитва, пост, паломничество в Мекку, совершенные без знания, не есть настоящее благочестие. Я не видел ни одного казаха, который, разбогатеv по-волчьи, жил бы после этого по-человечески. Нет, люди по-волчьи богатеют и по-собачьи разоряются. И три со-

кровища остаются у них: мука, горе и злоба.

Богатый умеет только хвастаться, что он богат, разорившись, он хвастается тем, что был богатым, и нищенствует вволю.

СЕМНАДЦАТОЕ СЛОВО

Воля, сердце и разум спорили, кто из них важнее. Они пришли к знанию, чтобы оно решило этот спор.

Воля сказала: «Послушай, знание, ты ведь само знаешь, что без меня никто не может достигнуть своей цели. Ведь только благодаря мне люди отстраняют лень и упорно, настойчиво стремятся познать тебя. Даже богатому нельзя без воли и труда достигнуть совершенства. Разве не я ру-

ковожу выбором людей? Не я ли предостерегаю от легкой наживы и злых повадок? Не я ли возвращаю людей на путь истинный, когда они его покидают? А вот эти двое со мной спорят».

Разум сказал: «Но ведь только я знаю, что вредно, что полезно как для этого, так и для того света. Слова понимаю один я. Без меня нельзя получить прибыль, без меня нельзя избежать убытков. Только я постигаю науку. Как же эти двое, — сказал разум, — оспаривают мое первенство? И на что они годятся без меня?» Заго-

ворило сердце: «Я царь человеческого существа. Я гоню кровь по жилам, без меня нет жизни. Только я заставляю сытых, беспечных людей, валяющихся в тепле на мягкой постели, тревожиться и думать о том, как живут бедные и обездоленные. Я отравляю сны беспечных, заставляю людей ворочаться в их постели. Во мне почтение к старшим и милость к младшим. Как часто не сберегают меня в чистоте, как часто меня унижают. Но если сердце честно и безупречно, то нет обиды между людьми. Я восторгаюсь добро-

детелью и заставляю людей отскакивать от зла, как от змеи. Все доброе – скромность, справедливость, милосердие, отзывчивость, – все исходит от меня. Как же эти двое могут спорить со мной?»

Тогда знание, выслушав всех, заговорило: «Слушай, воля, все, что ты говорила, справедливо. Более того, ты обладаешь многими другими достоинствами, тобой не упомянутыми. Но хотя и не могут жить те двое без тебя, но вместе с силой у тебя есть и жестокость. Много от тебя и пользы,

но бывает от тебя и вред. Иногда ты крепко держишься за добро, но иногда и за злодеяние. Это плохо в тебе». Так сказала знание. Потом оно продолжало: «Разум, то, о чем ты здесь говорил, тоже правильно. Без тебя ничего нельзя найти. Только ты знакомишь нас с тайнами творения, жизнью души, но и от тебя бывает зло. Ты рождаешь хитрости, проделки, ты являешься руководителем и хороших, и плохих людей. Ты ведешь людей по пути добра и зла одинаково. Вот это в тебе очень плохо».

И продолжало знание: «Я при-

казываю вам троим объединиться в одно целое, и повелителем троих будет сердце. Разум, ты слишком разносторонен. Пускай сердце следует за тобой в добро, пускай оно тогда с тобой соглашается и радуется. Но пускай оно не идет за тобой по дороге зла. Более того, пускай оно тогда будет тебе приказывать вернуться. Воля, ты сильна, но пускай и тобой руководит сердце, пускай на доброе и полезное дело оно не будет жалеть твоих сил, а на зло пускай оно накладывает запрет. Посоветовавшись, соединитесь все трое вмес-

те, но помните, что сердце – повелитель. Если вы все трое будете в одном человеке и так, как я это говорю, то человек, который будет руководиться вами, станет праведником и даже пыль его ног сможет исцелять слепых. Если же будут раздоры между вами, то пусть человек послушается сердца».

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Не от рождения человек разумен. Он становится разумным после того, как, увидев и оценив многое, начнет отличать хорошее от дурного.

Человек, запомнивший слова мудрых, сам становится благоразумным. Но само благоразумие еще не решает всего. Вот если ты благодаря благоразумию избегаешь плохого, то можешь себя считать за человека.

Но если ты хоть и слышишь

мудрые речи, но слушаешь их беспечно или, выслушав и придя в восторг, не захотел переспросить, чтобы вникнуть в сущность мудрости, и не изменился, то для чего ты слушал? Один мудрец сказал: «Чем говорить людям, тебя не понимающим, лучше откармливай свинью. У нее хоть прибывает жира».

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ СЛОВО

Обучать детей хорошо, но для начала их надо обучать родному языку, грамоте и самым обыкновенным знаниям. Для арабского и фарсидского языков надо иметь богатство. Как голодный человек сохранит разум и прилежание для того, чтобы постичь многие науки? Скучность достатка, раздоры между родичами толкают людей на плутни, на насилия, на воровство. Работай, умножай свой скот, умножай знание и мастерство.

Тому, чему сам научишься, обучай и своего сына. Растить знания. Главное – научиться русской науке. Наука, достаток, искусство – все это у русских. Для того, чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру.

Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза.

Человек, изучивший культуру и язык иного народа, становится с ним равноправным и не будет жить позорно.

Надеяться на то, что прожи-

вешь только хитростью, значит быть жертвой невежества. Невежественный человек способен продать отца, мать, всех родных и близких первому русскому чиновнику, который похлопает его по плечу. Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты получил его, жизнь твоя станет легче.

Однако в настоящее время люди, обучающие своих детей по-русски, норовят при помощи русского языка поживиться за счет других казахов. Не имей такого намерения. Узнавай у русских

доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни. Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения. Если мы узнаем столько, сколько знают другие, то станем сильными и равноправными. Правда, до сих пор из среды казахских детей, узнавших русский язык, не выросло еще выдающегося человека. Это потому, что этих детей портят родственники, родители и близкие люди. Но и сейчас они лучше необученных. В русскую школу отдают детей нехотя, как

на позор или в неволю. Отдают одни бедняки с горя.

Как же детям вырасти при таком отношении к науке хорошими людьми?

Иногда казахи, поссорившись со своим родом, желая досадить ему, говорят: «Чем терпеть мне такое унижение среди своих, не лучше ли сдать сына в солдаты, а самому отрастить волосы, приняв облик и обычаи чужого народа?» Нехорошо бросать свой народ. Далеко ли уйдут, научатся ли добру дети тех казахов, которые произносят такие постыдные слова?

Станут они учиться как-нибудь, будут в одно ухо впускать слово, в другое – выпускать. Вот почему нет детей, которые бы занимались напористо, даже когда их учат бесплатно. Говорю тебе правду: не торопись женить сына, обучай его русской науке, хотя бы пришлось тебе для этого заложить все свое имущество. Если хочешь, чтобы сын твой стал человеком, учи его и сделаешь тем благо ему и своему народу.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ СЛОВО

Эй, мусульмане! Вы видите, что одни богаты, другие бедны, одни больны, другие здоровы, одни легкомысленны, другие расположены к доброте и сознательны. Люди различны. Если кто-нибудь спросит вас, отчего это происходит, то вы ответите, что это дело творца, его воли. Считая господа бога безгрешным и безупречным, мы верим. Но вот оказывается, что бог вознаграждает богатством клятвопреступников, туне-

ядцев, а людей, которые честно трудятся и молятся, он лишает последней возможности прокормить жену и детей, обращая их труд в ничто. Видим часто, что скромный человек болеет и унижен. Наоборот, воры, мошенники здоровы. Из двух детей одних и тех же родителей один разумен, другой глуп. Ведь всему народу сказано: будьте справедливыми и честными; всему народу показан правильный путь. Сказано, что праведные возвысятся, а нечестные получают муку. Однако сам создатель как будто одних ведет к

добру, других — к злу. Разве все это соответствует безупречности и безгрешности, справедливости господа бога? И народ, и имущество народа — все в руках бога. Что ж можно сказать о его делах? Вы скажете, что он делает то, что хочет. Если так скажете, то вы его самого тем самым отменяете. Это ваше слово будет обозначать, что господь бог не безупречен, что недостатков у него много, но говорить об этом не хватает смелости. Оказывается, что бог сам заставляет все делать так, как это делают. Из-за чего же обижаться

одному существу на другое существо, делает кто-нибудь для них добро или делает кто-нибудь зло? Не делается ли это все по божьему велению? Но бог говорит, что каждому разумному человеку вменяется в обязанность иметь благочестие и каждому, имеющему благочестие, вменяется в обязанность повиновение. Правое дело не должно бояться проверки разума. Если мы не будем иметь свободный разум, то как понять божественное слово, что разумному человеку вменяется в обязанность иметь истинное благочестие? Куда

денется сказанное богом: познающий меня узнает меня только разумом? Нет, лучше, очевидно, понять так: бог — творец добра и зла, но не он заставляет их совершать. Создатель болезни — господь бог, но не он заставляет болеть. Бог создал богатство и бедность, но не бог сделал тебя бедным или богатым. Если ты так поймешь веру, то это еще на что-то похоже, иначе все пусто.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ СЛОВО

Есть хорошие казахские половицы, но есть и такие, которые ниже не только божеской, но и человеческой справедливости. Например, говорят: «Если ты беден, то будь бессовестен», «Если ты потерял совесть, то пусть будет проклята твоя жизнь!» Разве можно сказать, что бедный человек должен быть бессовестным? Ведь то, что человек зарабатывает себе на жизнь трудом, это не постыдное дело. Наоборот, то, что

человек трудится, а не попрошайничает и не сидит сложа руки, это его возвышает.

Другие пословицы говорят: «Если поджигать с умением, то и снег загорится», «Если умело попросить, то нет ничего, чего бы не отдали». Это неразумное слово достойно божеской кары. Чем проводить жизнь в унижении и искать способов «зажигать снег», надо искать богатства либо у земли, либо от работы своей. Есть пословица: «Если безвестен, то подожги поле». Но какая польза от славы поджигателя? Говорят так-

же: «Чем сто дней быть меринком, лучше один день быть жеребцом». Но к чему такое однодневное счастье одержимого, одурманенного страстью животного? Есть пословица: «Увидав золото, покинет путь истинный даже ангел». Да покарает вас за эти слова ангел. К чему ему золото? Еще говорят, оправдывая алчность: «Богатство слаще отца и матери». Нет правды и в другой пословице: «Душа слаще золотого дома». Что сладкого может быть в душе негодяя, который меняет родителей на богатство? Разве не бессовестно со-

бираться продать своих родителей? Они мучились, приобретали, думали, что все нажитое достанется детям. Если ты готов продать родителей за богатство, то разве ты не враг всего живого?

Нужно быть осторожным, повторяя пословицы, созданные невежеством.

ТРИДЦАТОЕ СЛОВО

Много у нас болтливое хвастовства — езды на сороках. К чему это трескучее хвастовство и на что оно годится? Нет у хвастунов ни совести, ни досады, ни мысли серьезной, ни дум горьких, ни решимости, ни храбрости, ни человечности, ни совестливости. Они клянутся, споря: «Не будет моя голова приторочена к чужому седлу. Разве чужой меня кормит или дарил мне дойный скот? Ничего я не пожалею — душу свою отправ-

лю к черту. Лучше умереть, но не сдаться». «Все равно, — говорят хвастуны, — смерть одна».

Видели ли вы казаха, который бы выдерживал смысл такого слова? Нет, все только кричат, что смерть им не страшна, и тычут пальцем на свой маленький кадык и клянутся, что они сейчас зарежутся.

Если бы я встретил человека, который на самом деле зарезался бы за глупое свое слово, то я бы начал считаться с этим хвастовством. Но я слышу один только грохот. Хвастается человек,

чтобы говорили о нем: «Не трогайте его — он забияка». О господи, да разве вы не знаете приметы по-настоящему отважных людей? Разве так дают они клятвы?

Кругом одни пустозвоны, болтуны. Говорят про них в народе: «Бесстыжему — болтливый язык подмога».

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ СЛОВО

Для того, чтобы усвоить то, что ты слышишь, надо соблюдать четыре правила. Во-первых, сосредоточь целиком все свое внимание.

Во-вторых, когда услышишь что-нибудь необходимое, увлечись им, вникай в сущность предмета. В-третьих, повторно продумывай про себя то, что услышал.

В-четвертых, отгоняй от себя мысль о других бесполезных вещах.

Отведи от себя беспечность, распушенность, ребячливую рассеянность, потому что эти свойства разметут и уничтожат все, что ты собрал для достижения знания.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ СЛОВО

Тем, которые хотят познать науку, необходимо помнить, что для этого надо выполнить несколько условий. Тот, кто забудет о них, не достигнет цели.

Не нужно учиться, рассчитывая воспользоваться наукой для того, для сего, думая, что она принесет сразу выгоды.

Если страстно полюбишь науку и само знание будешь считать подарком, то оно даст тебе высшее блаженство. Стремись к зна-

ниям, стремись к ним страстно. Тогда то, что ты видел или слышал, будет хорошо усвоено и ты в ясных словах и образахкрепишь в себе это сознание. Если же чувства будут обращены к другим вещам, то и науку ты будешь изучать только ради этих вещей. Это отношение будет похоже на отношение мачехи к пасынку. Науку же надо любить, как мать любит своего сына. Во-вторых, если человек стремится к знанию, то знания приобретаются им сравнительно легко. Но в этом деле необходима искрен-

ность. У познания должна быть благородная цель. Не приобретай знаний для того, чтобы хвастаться или спорить. Споры порождают зависть; унижают достоинство человека.

Целью спора часто является не истина, а победа над другим человеком. Человек, который переспорил сотню людей и сбил их с правильного пути, бесконечно ниже человека, который направил на путь правды одного человека. Спор необходим в науке, но увлекаться спором нельзя. Избегай спеси, гордости, завис-

ти, которые встречаются и среди ученых.

В-третьих, если достигнешь истины, то не отступай от нее даже под угрозой смерти. Если твоя истина не овладеет тобой целиком, хотя ты уверен в ней, то для кого же другого она может быть ценной? Как ты можешь желать от других уважения к тому, чему сам не служишь преданно? В-четвертых, для повышения знания есть два способа: человек должен развивать способность мыслить, человек должен развивать свое воображение. Без мысли и

воображения наука не может развиваться. В-пятых, избегай беспечности. Беспечность – враг бога и народа. Легкомысленная беспечность несовместима с занятием наукой. В-шестых, развивай характер. Характер – это сосуд, который вмещает и науку, и разум. Если ты будешь легкомыслен, легковверен, если ты будешь увлекаться пустыми забавами, то характер твой испортится, ослабнет. После этого нечего и учиться, потому что все равно пользы не будет. Зачем собирать что-нибудь, если у тебя нет хранилища?

Воспитай волю – это броня, сохраняющая разум. Не стремись к забавам и похвальбам. Пусть все будет у тебя служить разуму и чести.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ СЛОВО

В священных изречениях пророка, благословенного богом, Мухамеда сказано: «У кого нет стыда, у того отсутствует и вера». Поговорка наших казахов говорит то же самое: «У кого стыд — у того и вера». Если это так, то выясним, что собой представляет стыд.

Есть стыд, вызываемый невежеством. Он похож на смущение ребенка, который не решается вымолвить слово перед взрослыми. Это ложный стыд. Стыдиться

того, чего не следует стыдиться, — это следствие невежества.

Настоящий стыд удерживает от поступков, идущих против закона или противоречащих здравому смыслу.

Такой род стыда можно также разделить на два вида: при первом стыде ты не совершал сам постыдный поступок, но стыдишься за другого человека. Это происходит как бы от жалости к нему за то, что он поступает неправильно. Этот стыд похож на сострадание. Он охватывает тебя целиком и заставляет краснеть. Другой вид стыда зарождается тогда, когда ты

совершил поступок против закона или совершил нечто бесчестное по неведению или по своей злой прихоти.

Пусть такой поступок останется не замеченным другими людьми. Но он тревожит твою совесть, и совесть тебя пытается твоим самоосуждением. Человек не находит себе покоя, не смеет посмотреть прямо.

Люди перестают есть, спать, иногда даже лишают себя жизни. Трудно человеку, которого застигли мучения совести. Ему некогда утирать слезы из глаз и жижу, текущую из носа. Он становится по-

добным псу. Он не только не может посмотреть в глаза окружающим, но вообще ничего не видит. Если ты видишь человека, дошедшего до такого состояния, и не пожалеешь его или постараться сделать, чтобы ему стало еще больнее, то ты сам лишен человеческой совести. Но люди, которых я вижу вокруг себя, не стыдятся и даже не краснеют. Много, если они скажут: «Но ведь я же говорил, что виноват. Что же еще надо?» Или так скажут: «Ну, хорошо, я опозорился, но ведь и ты поступил бы точно так на моем месте». Или скажут: «Да вот такой-то да еще та-

кой — все они совершили такие же дела, но продолжают ходить по земле как ни в чем не бывало... А мой поступок по сравнению с их делами, можно даже сказать — и не грех, и у меня к тому же были основания так делать». Так нахально оправдываются они, если пытаешься их усовестить.

Что можно сказать про таких людей? Имеют ли они совесть, если можно вообще говорить об их совести? Ведь их дела противоречат делам пророка и правилам сердца. Можно ли сказать про них, что у них есть совесть?

СОРОК ПЕРВОЕ СЛОВО

Человек, который не только хочет дать совет казахам, но и желает наставить их на путь, должен для этого сам удовлетворить двум условиям.

Первое: он должен иметь в руках власть. Надо взять детей у родителей, отдать ребят в школы, направить одних на одну специальность, других — на другую. Надо создать школы, надо, чтобы население дало средства на эти школы, надо, чтобы учились все, даже де-

вушки. И вот тогда, когда молодежь вырастет, а состарившиеся отцы перестанут вмешиваться в дела и разговоры молодежи, может быть, тогда казахи исправятся. Вы видите, что для того, чтобы выполнить первое условие, человек, желающий исправить казахов, должен быть несметно богат. Вот второе условие: вероятно, надо одарить отцов, чтобы забрать у них детей, и надо дать образование детям.

Но такой власти, такого богатства, для того, чтобы справиться со всем этим, не существует. Без власти и без подарков наставить

казахов советами и увещеваниями на путь истины невозможно. Невежество впиталось в мясо и кости народа вместе с материнским молоком и выело из него человечность.

Как станешь говорить с ними, если они не понимают слов, если у них смешки, шептания, окрики и рычания, и они полагают, что нет на свете ничего интереснее этих звуков?

Как же с ними говорить, если они даже не умеют слушать, а все время озираются, смотрят в сторону и думают о другом?

СОРОК ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Худший человек из числа людей – это человек без стремлений. Но стремления бывают различны. Одни интересны, надежны, другие пусты. Например, все хотят, чтобы их хвалили; и кстати и не кстати душа просит похвалы.

Человек общается и делится мыслями с людьми своей работы, своего круга. Больше всего желают люди славы и почета. Другие жаждут богатства. «Добуду, – думает такой-то, – скупостью, хит-

ростью добуду – все равно как. Ведь богатых не винят». «У богача всегда светлое лицо», – говорит пословица. Будь собакой и лай, но если ты богат, никто с тобой не будет спорить. Так думают люди, полагая, что богатство даст им пользу и славу. Так думают многие казахи, но это не совместимо с истиной.

Другие хотят прослыть храбрцами или совершить паломничество в Мекку и надеть зеленую чалму. Третьи хотят получить звание муллы, четвертые хотят прослыть хитрецами, пятые хотят, чтобы их

считали знатоками какого-нибудь дела — и все эти люди хотят только поважничать перед народом. Они щупают пульс казаха, стараются узнать, какое дело ценится сейчас больше всего, и сломя голову бегут приняться за это дело. Нет тут истинного порыва, чистой души. Люди заискивают у людей, а не думают о чистоте своей души, и много у них в душе задоринок и зарубок, и разводится в ней грязь желанья легкой наживы. И я вот смотрю на людей и не знаю, с кого брать пример и у кого учиться.

СОРОК ПЯТОЕ СЛОВО

Доказательством существования бога считается то, что вот уже тысячелетия люди на различных языках говорят о существовании всевышнего. Сколько бы ни было религий, во всех считается, что богу присущи справедливость и любовь. Мы, смертные, сами не создатели и все понимаем по созданным вещам.

Мы тянемся к справедливости, к любви, и человек отличается от другого постольку, поскольку он понял мудрость аллаха.

Начало человечности — любовь, справедливость, чувства. Это всегда нужно и во всем нужно. Это дело — всевышнего создателя. Даже в том, что жеребец овладевает кобылицей, есть уже зачатки какой-то любви.

Мы сами не создаем науку, мы познаем мир, который мы видим. Тот, у кого больше знаний, любви, справедливости, — тот мудрец, тот ученый, тот овладел миром.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вдоль цветов и деревьев,
 склоненных к воде,
Извивается речка, чьи струи
 бурлят,
Гуси, лебеди здесь, величавы,
 царят,
Птичьи яйца влекут стайки
 шумных ребят.
Если соколапустишь с коня
 на скаку,
Он в мгновение ока рад жертву
 подмять.
Дева, ластясь к тебе, тянет руки
 к седлу,
Где добыча твоя приторочена
 в ряд.

В эту пору степнячки нарядны,
 нежны.
Украшают цветы лик родной
 стороны.
Воробьи, соловьи – все поют
 на свой лад,
С гор кукушки и филины вторят,
 важны.
Набегают торговцы с набором
 обнов,
Пашут землю дехкане, в поту
 от трудов.
У хозяев двоится весенний
 приплод.
И приходит достаток под милый
 им кров.

Словно мастер, украсил всю
 землю Творец,
Ты – его доброты бесконечной
 венец,
Словно мать, истекает любовью
 земля.
Небо нежно склонилось к тебе,
 как отец.
Как не верить в Аллаха, раз
 божьим теплом
Оживляет он землю весенней
 порой!
Скот твой – в теле, и крепок
 шипящий кумыс,
И высок, и приподнят душевный
 настрой!

Все цветет, кроме черных
 угрюмых камней,
Кроме сердца скупца, чей
 незыблем устой!..
И величьем Творца
 проникаешься ты.
Поражен совершенством, пленен
 красотой.
Старики – к солнцепеку, где дети
 шумят,
Возбужденных не счесть
 стригунков, жеребят.
Заливается в небе, высок,
 бозтургай,
И озерные птицы всю
 гомонят.

Если небо без солнца, там —
звезды, луна.
Черной ночью сверкает
державно она.
Но вот стоит заре кинуть нежно
лучи,
Как бледнеет она, над собой
не вольна.
Солнце — милый жених
у невесты — земли,
Стосковались они друг от друга
вдали.
Пусть старались когда-то здесь
звезды с луной,
Но явился жених и с пути все
сошли.

До луны и до звезд ветер
радость донес,
Все живое плясало под пение
звезд.
Белый саван зимы отшвырнув
от себя,
Улыбалась земля дуновению
грез.
Зиму всю прождала своего
жениха,
В снах разлуки дожить ли чете
до греха?
Солнца знойным дыханьем
насытятся, земля,
По павлиньи свои выгибает
бока.

Кто способен на солнце
вглядеться в упор?
Она ласково просится
в дружеский взор.
...Я увидел под вечер, как солнце
сошло
В золотой и багровый заката
шатер.

ЛЕТО

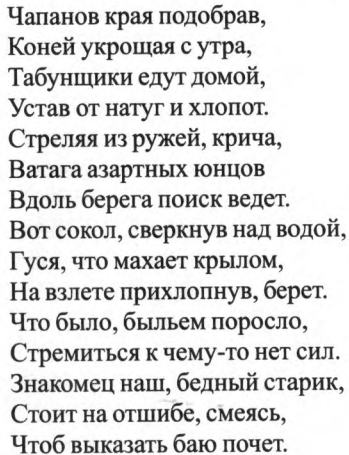
Пора, где упорствует зной,
Где стебли растений и трав
Растут, наливаясь красой,
Где став, суетится аул,
Привечен бурлящей рекой.
Где, скрытых травой коней
Мелькают повсюду хребты,
Бока выпирают кобыл,
Что, охая, стонут, сыты.
Стоят, остужаясь в воде,
Привскинут порою хвосты.
Кругом жеребята, резвясь,
Топочут довольны собой.

Озерные птицы, крича,
Взлетают стремглав над водой.
У юрты, ууки подняв,
Молодки толкутся гурьбой,
Мелькая локтями, смеясь,
Шушукаясь наперебой.
Объехав пасущийся скот,
Свободный от дел и забот,
К аулу торопится бай,
Коня направляя рысцой.
Рассевшись вокруг тегене
Ведут разговор старики,
От смеха тряся бородой.
Малыш свою мать теребит:
Он выпросить мяса кусок,
Подослан к ней втайне слугой.

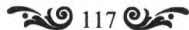

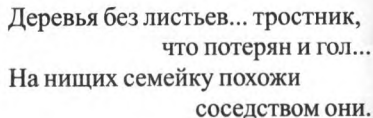
Над ними навес от жары,
Роскошны под ними ковры,
Кипит самовар, заходясь,
Избытка доволен игрой.
Вот взялись за речь знатоки,
Как кони бросаюсь в намет.
Другие горазды кивать,
Смотря им доверчиво в рот.
Вот в белой рубаше старик,
За палкой своей волочась:
«А ну, отгоните овец!» —
На скотников бойко орет.
Шумит он, надеясь, что бай
Заметит, беднягу, его.
Жалея, к себе позовет
И чашу кумыса нальет.

Обложено небо нашествием
 сумрачных туч,
Промозглый туман покрывает
 округу, тягуч.
Проносятся кони, кобылы бегут,
 стригунки,
Как будто их кто-то согреет
 велик и могуч.

Ни зелени нет, ни цветов, как
в прошедшие дни,
Не слышно ни смеха, ни детской
шумливой возни.

Вон кто-то собрался заняться
дублением кож.

В чапане дырявом не очень,
однако, пригож.

Молодки латают изодранный
войлок у юрт,

Свекрови доверив пряденья
упругую дрожь.

Вон птиц вереницы. Не надо
далеких им стран.

За жито́м собравши́сь, белеет
вдали́ карава́н.

Не слышно нигде ни гулянья,
ни праздничных толп,
Куда ни приедешь, унынье
раскинуло стан.

Старик со старухой ребенок,
что сжался в комок...

В степи только холод угрюмо
свой празднует срок.

Оставшись однажды без жижи,
сурпы и костей,

Собаки мышкуют, им дома
лежать невдомек.

Кочевье хиреет, повсюду –
бестравная плешь,
Как ветер ударит, сквозь пыль
никому не пролезть.
Казахов, в чьих юртах
не принято копать плодить,
В такой холодине к чему
недалекая спесь?!

* * *

Вот ноябрь и декабрь.
В эти месяцы, тих,
Бай не тронет угодий
предзимних своих.
Раньше времени корм не желая
пожрать,
На осеннем становье ждет дней
он лихих.

Байских стад пастухи скот лишь
знают пасти.
Им бы дров, чтоб огонь
побойчей развести.

Жены их, мельтеша, кожу дубят
в чану,
Шьют чекмени, иглу уминая
в горсти.

Без огня малышам и ни встать,
и не сесть.
Раскорячась вовсю, не погреешь
всех мест.
Если есть старики, как же им
нелегко,
Воет ветер и стужа на версты
окрест.

Бай зарезал барана, что стар был
и хром,
А бедняк не мечтает о пире таком.

Если даст байбише кизяка
с полмешка,
Это надо считать величайшим
добром.

Сыну бая тепло и в буран,
снегопад.
Юрта войлоком крыта, чей
плотен обхват.
Сын слуги у него в услуженье
всегда,
Всюду рядом он с ним, рад тому
иль не рад.

В юрту бая ему путь заказан пока.
Пробавляется тем, что сопрет
у сына.

Любит вечно крутиться
 за юртой, где выюк,
Выбрав место, где солнце
 согреет бока.

За сынком наблюдают и мать,
 и отец,

Вот и вырастет он,
 как последний стервец.
От стыда пред дружкой ему
 пища не впрок,
Хоть и мал, но умом он уже
 не малец.

С бедняком никогда
 не поделится бай,

«Будь усерден в труде и тогда
 получай».

Бай – бездушен, слуга –
 равнодушен к труду,
Эту пару создав, бог хватил
 через край.

Пусть и стащит порой
 потихоньку бедняк,
Бай, учти его труд, скот
 пасти – не пустяк.
Обогрей до весны стариков
 и детей,

Все же, ты – не буран, чтоб
 безумствовать так.

ЗИМА

Кто – в белом, могуч, серебрист
бородой,
Враждуя со всеми, слепой
и глухой;
Заиндевав сплошь, хмур
и грозен лицом
По снегу скрипя, подошел к нам
с тобой?..
То старый твой сват,
чье дыхание – буран,
Сварливо свистящий в степи
вековой.

Он в шапке из клуб облаков
кучевых,
Румянясь, краснеет от стужи
крутой.
Косматые брови нависли до глаз,
Пойдет снегопад, как качнет
головой.
Когда разъярится, поземкой крутя,
То юрты дрожат от растряски
такой.
Ребята, что бегали – рады зиме,
Лежат обморожены этой зимой.
Табунщики в шубе, что мехом
вовнутрь,
И те повернулись к морозу
спиной.

Хозяин и беркут, красуясь,
 глядят молодцом,
Когда их кругом все хвалить
 вперебой принялись.
Когда аксакал три девятки сулит
 и табун,
Чтоб с беркутом славным к удаче
 своей унестиcь.
Встряхнув малахай, насыбай ты
 метнешь за губу,
Довольный, что день так сияет,
 погож и лучист,
Когда же твой беркут начнет лис
 срывать и срывать,
Ты горд всякий раз, сколь бы это
 в тот день не случись.

Нет в сердце твоём ничего,
 что похоже на зло.
Вы с беркутом, словно в одно
 разуменье слились.
Мне кажется, в мире отрадней
 занятия нет,
Оно безобидно, чернить его
 сколь ни стремись.
Тому, кто пытлив и разумен
 пытливой душой
Нетрудно представить, куда моя
 движется мысль.
Но, нет, не поймешь, если только
 поверхности рад,
Когда нет желанья вернуться
 стократно назад,

Когда не способен картину
 в себе оживить,
Толкуя по слову, на свой
 разухабистый лад.
Пусть это читает охотник,
 понять ли иным,
Кто опытом зимней охоты
 с орлом не богат?..

ОПИСАНИЕ КОНЯ

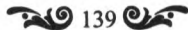
С густою челкой, с ухом,
 как тростник,
С высокой шеей, взгляд раскос
 и дик.
С загривком мощным, с гривой,
 словно шелк,
С зашейной ямой, чей размер
 велик.
Широк ноздрей, губаст
 и толстогуб,
С хребтом могучим, словно гор
 уступ.

С игрою мускул налитых,
 грудаст,
Как беркут, что берет добычу,
 груб.
С копытом круглым, ровным,
 как такыр,
С коленями, раздвинутыми
 вширь.
С ногой высокой, чей притоп
 упруг,
С лопатками просторными,
 как мир.
С раздольным крупом,
 тонкостан, бокаст,
Как ни смотри, он под седло
 горазд.

Кургуз хвостом, чей жесткий
волос сух,
С бугром подхвостья, что жиреет
всласть.
С лодыжкой низкой, с мясом как
брусок,
С округлым задом, сильным
на прысок.
С подбрюшьем плоским, тонок
и поджар,
С мошонкой толстой, что висит
меж ног.
В суставах гибок, в голени
широк,
Игривый в беге, словно ветерок.
Его я жажду к юрте привязать,

Чтоб он косил глазами, одинок.
Рысит он ровно, очень резв
и скор,
Грызя зубами яростно простор.
Он в скачке – спор, в езде –
надежен, тих,
Коня такого не иметь – позор.
Он так рысит, что малахай
торчком,
Как будто сам ты взвился
соловьём.
Быстрей сайгака этот редкий
конь,
Изнемогаю, думая о нем!..

* * *

Молодым до науки дойти
я не мог,
Я не стал изучать, впрок она иль
не впрок.
А когда стал искать, ускользала
из рук.
Было поздно, увы, упустил я
свой срок.
Кто виновен, что я пребываю ни
с чем,
Это всем неспорным
печальный урок.
Дети – радость души, обучать их
не прочь,

Свет мне милых наук я для них
приберег.
Я не ради чинов отдал их
в медресе,
Ради знаний самих, дух которых
высок.
Я и сам не давал людям спуску
ни в чем,
Был в словесном бою
превосходен мой слог.
Не оценит никто ни удач,
ни труда,
Лучше дома лежать и не лезть
за порог.

* * *

Без знаний нос не задирай.
Найди себя, потом играй.
Не надо смеха через край.
Пуста веселость эта.
Пяти вещей ты избегай,
К пяти вещам стремленье знай,
Раз хочешь выйти в люди.
Все сбудется в судьбе твоей,
Когда так жить полюбишь.
Узнай же, что бахвальство, ложь,
Лень, сплетни, деньги на кутеж —
Твои враги повсюду.
Мысль, труд, стремлений высота,

Довольство малым, доброта:
Пять дел, в которых чудо.
При виде зла, чье явно зло,
Не прикипай к нему душой.
Добра – увидев образец,
Запоминай и лад, и строй.
В науках как не преуспеть,
Простившись с детскостью
пустой.

Пусть не похож, подобен будь,
Тому, кто знающ и учен.
Не говори, что никогда
Тебе не стать таким, как он.
Тебе она заменит все,
Когда наукой увлечен.
Как знаниям быть, когда в тебе

Не разгорясь, потух огонь.
Когда в раздумья мудрецов
С любовью страстной погружен.
Не принимай ничей закон,
Пока умом не убежден.
Пусть это скажет аксакал,
Иль богатей – не верь им всем,
Когда сомненьями смущен.
Перед невеждой не пасуй,
Умри, но правдой упоен.
Ведь мнение глупых – не Коран,
Стой на своем, раз возмущен,
Нельзя, чтоб ты перед толпой
Был хоть на малость уличен.
Пусть кто-то что-то написал,
Неважен автор, суть важна.

На свете было их не счесть:
Шешенов, чей язык как трут,
Вождей, чьи кони прут и прут.
И что ж? Они все вышли вон.
Подумай, взвесь – вот верный
путь.

Когда не примет разум твой,
— Хоть выбрось, хоть осмей,
как жуть.

Когда придется по душе,
Прими, чтоб смыслы развернуть,
Глупцов не счесть, но редок ум,
Знай, не толпы суждение тут.
Пусть сладко мнение родных,
Не вздумай следовать за ним.
Не верь невеждам никогда
— И ни родным, и ни чужим.

Они везде тебя пасут.
Своим умом ты жить учишь.
Увидишь злое — отвратись,
В тебе все мысли расцветут.
Зачем учиться у других,
Ведь знаний нет у них твоих,
Напрасен будет весь твой труд.
По речи ты суди людей,
Но не по виду речи жди,
Сумей суть мысли распознать.
Не дай себя запутать лжи.
Ученый славный — Дауани.
Он тот, кого за правду чтут.
Прочти его и будь смелей,
То, что познал, сберечь сумей.
Пока ты юн, прилежней будь.

• • •

Поэзия – слов благороднейших
царь,
Свести несводимое должен твой
дар.
Пусть радуется он и язык нам
и сердце,
Повсюду неся одинаковый жар.
Но если слов чуждых затешется
грязь,
То это поэт – неумеха средь нас.
Сказитель и слушатель стоят
друг друга,
Как пара невежд без ушей
и без глаз.

Аяты, хадисы – основа основ.
Вкрапленье двустий, как
некий покров,
Но если не красится речь
содержанием,
Аллах и пророк обошлись бы
без слов.
Имам, что в мечети читает хутбу,
Святой, что молясь, прокликает
судьбу,
По мере умения пытается каждый
Слагать на свой лад из того, что
во лбу.
Любой себя числит умельцем
стиха,

Казах не питает к стихам уваженья,
Жевать небылицы считая за честь.

Как бии, не буду я речь украшать,
И льстя, по-акынски, не буду
рыдать.

Мой слушатель, видишь,
очистилось слово,
Сумей быть и ты ему духом
под стать.

Когда б за набег батыров вознес,
О девах бы спел, умилая до слез.
Рад время убить в интересе
досужем,
Ты каждому слову внимал бы
всерьез.

Разумное слово народ не влечет,
Коснеет в своем неприяты

народ.
Невежд в нем хватает, что наглы
донельзя.

Прости, если это тебя проберет.

Стараясь на цыпочках кус
сковырнуть,
Пытается каждый урвать
что-нибудь.

И им ли постигнуть – спесивым,
корыстным,
Для редких из редких открытую
суть?!

Бесчестным путем умножая свой
скот,

Слыть хитрыми рады они
наперед.

И мирного бая страшат врагами,
Надеясь, что тот попадет
в переплет.

Спокойствие, совесть,
стремленье и честь,
Никто не захочет из них
предпочесть.

Не ищут ни знанья, ни мысли
глубокой,
Наветы и сплетни взбивая как
шерсть.

* * *

Огнем и пламенем рожден,
Блестает молнией Рагит.
Там, где дождем прольется он,
Земля цветеньем удивит.
Кто попадется под удар,
Тот явно счастьем нелюбим.
Блистанье словом – сильный дар,
Не шутят знающие с ним.
Огонь и пламя кто поймет?
Кто в слова вникнет жар сухой?
Вы обираете свой род,
Вы баи, что бедны душой!
Вам отказаться бы скорей

От злобы, хитрости, интриг,
Но вы, как псы, что рвут людей,
Не содрогнетесь ни на миг.
О, что за жизнь! Что за народ!
Упрямый сброд! В душе —
разброд...

• • •

Отнюдь не досужий — часов
перестук.
Толкует он нам: «Все проходит
вокруг!»
Минута равна человеческой
жизни,
Прошла, умерла, не воскреснуть
ей вдруг.

Часы — это воры, стучащие
в такт
Тому, что уходит, скрывая свой
шаг,

Не зная покоя, проносится
время:
Пришло и ушло, не вернется
никак.

Знак жизни текучей — биенье
часов.
Чем мучиться вечно, откликнись
на зов.
Твой разум все видит, но ты,
лицемеря,
Предстать перед правдой еще
не готов.

Дни в месяцы влились,
а месяцы — в год.

А годы нас старят, не так ли,
друг? Вот...
И если, в призвании я обманулся,
Меня пусть Всевышний
в величьи поймет.

• • •

Когда есть в сердце свет ума,
Послушать слово приходи.
Когда же света нет, увы,
Ты не поймешь, сколь ни ходи.

Невежество, как глаз с бельмом,
Вот и попробуй, разгляди.
Намаз у персов – без главы,
За ними вслед ты не иди.

К чему усердье крикунов,
Когда отсутствуют вожди.
Когда устроен твой народ,
Лежит у озера вокруг.

Деревьев листья шелестят,
Расколыхавшись на ветру.
Бежит бурливая река,
Вздымая волн своих игру.

Плодится двойнею твой скот
И перевода нет добру.
Когда расстроен твой народ,
Он, как болота топь и гниль.

Озерных птиц не слышен шум,
Скоту и то уж он не мил.
Болея зло, поносит скот,
Который смрад его испил.

Кому он нужен – сух, вонюч?
Он мертв теперь, как прах и пыль,

Как единица – мудрый вождь,
Народ, как скопище нулей.

Знай, единица и без них,
Была бы в мире не слабей.
Зато без стойких единиц
Как быть нулям в толпе своей?!

Народ свой мирный не мути,
А береги его, жалей.
Когда есть в сердце свет ума,
Не спорят с теми, кто мудрей.

* * *

Бездумен сияющий взгляд
Невежды из стана глупцов.
Глаза его счастьем горят.
Он лопнуть от счастья готов.
Попробуй его укорить,
Взовьется: «На божьей грех!»
Возможно ль людей нам делить,
Бог равными создал нас всех.
Расчисти сердечный родник,
И божий воспримешь ты свет.
И если в тебя он проник,
Тебя пронизательней нет.
Но души невежд в темноте,

И эта завеса крепка.
Заботы мешают взлететь,
А мысль от Творца далека.
В тюрбане громадном мулла
Трактует превратно суть норм.
Душа его, глянь, изошла,
Как беркут он, ждущий свой
корм.

Для тех, кому знать не дано,
Зачем тогда речи вести.
Зевак несусветных полно,
Но внявших речам не найти.

* * *

Если волей в себе не силен,
К спящей мысли пробьешься ли
в дверь?
Если светом ума обделен,
Будешь дни ты влачить, словно
зверь.

Если воли не выше твой ум,
Он не сможет дойти до глубин.
Разум старца – бескрыл и угрюм,
Он поблек под покровом седин.

Если что-то потребует плоть,
Ей не в силах душа отказать.

Если плоть эту слабость поймет,
Будет вечно желать и желать.

И животным даны дух и плоть.
Правда, нет в них ни чувств,
ни ума.

Если мысль до глубин не дойдет,
Разве дрогнет невежества тьма?

Если я человеком зовусь,
Как невеждою темным мне
быть?

Раз народ мой внушает мне
грусть,
Где я славу могу заслужить?..

* * *

Пусть хвалят люди, верить
не резон,
Ты жди подвоха если вознесен.

Поверь в себя, тебе помогут
дружно
Твои труд и ум твой взявшись
с двух сторон.

Доверчивость – залог грядущих
бед,
Зачем похвал пустопорожних
бред?!

С обманутыми вместе сам
обманут,
За призраком тебе ли мчать
вослед?

Будь в горе стойким, закали свой
дух,
К соблазнам, что сомнительны,
будь глух.
Уйди в себя, достигни сути
в сердце,
Там истина, которой нет вокруг.

Со старой надеждой, чьи листья
желты,
В мечтаньях прожил я и дни те
пусты.
Меня раздражают, лишают
покоя,
Те давние дни, что в тумане
мечты.

Пору сновидений принять ли
всерьез?
Открытый для мысли, закрыт
будь для грез.

В себе ты имеешь ли в дружном
союзе
Горячее сердце, обличье
и мощь?
Подобен миражному блику
народ.
Он правду приемля с тобой
не пойдет.
К чему тебе мненье толпы
неразумной?
Займись же собою, настал твой
черед.
Улыбается небо светло,
Повергая в смущение землю.
Отчего же мне так тяжело,
Что уже ничего не приемлю?

Отчего я в печали такой
И ничто не порадует душу?
В тяжелой скорби, таюсь,
как изгой.
Что ж меня в этой жизни так
мучит?
Может, сердцу во мне уж не петь?
Может, миг был мной важный
упущен?
Я о прошлом не стану жалеть,
Иль надежды питать о грядущем.
Я ищу только сладкого сна,
Чтоб забыть обо всем и забыться.
Слишком смерть для меня
холодна,
Чтоб в нее целиком погрузиться.

Буду спать, отдыхая душой,
Грудь пусть дышит вольготно
и мирно.

Мне бы знать кто и в склоке
какой

С кем схватился легко и настырно.
Чтоб далек от всего, сам с собой,
У себя в одиноком покое,
Распростившись с проклятой
тоской

Насладиться мирской суетою,
Где всех манит богатство, успех,
Где всех греет тщеславье пустое,
Но бахвалиться нажитым – грех,
Если слаб говорить про другое.

* * *

В тот час, когда сгущаясь, тени
Сокроют с глаз картины далей,
Когда хозяин всех мгновений
За кромку солнце перевалит.
Нависший сумрак беспросветный
Пытаю сумрачной душою,
Как с собеседником заветным
Сiju с поникшей головою.
Жизнь прошлая – тропею ушлой
Гуляет снова, мучит, ранит.
«Тот ямы рыл, тот предал
гнусно»,
– Обиды все считает рьяно.

Воспоминанья – чередую,
Но нет средь них того, что надо.
И сердце я кроплю водою,
Что исключительно из яда.
О, мысль моя, – щенком заблудшим
Вернулась вновь в свой край ты,
воя.

Забудь же все – что лечит лучше
Воды забвенья и покоя?
Взошла полынь, где ждал
пшеницу.

Мочились псы, видать, на славу.
Сумей с покоем подружиться.
Так умереть отрадней, право.

НА СМЕРТЬ АБДРАХМАНА

Простился с миром Абдрахман,
Лет двадцать семь прожив всего.
Когда вам свет сознания дан,
Возможно ль с кем сравнить его?
Корысти дух его не влек,
С роднёю был всегда он мил.
Бог от гордыни уберег
И чистым смехом наградил.
Не знал покоя до тех пор,
Пока не вызнал вкус наук,
Пока не вышагал простор
Земли неведомой вокруг.
От долгой жизни есть ли прок,

Когда нет мудрости седин?
Невежда тоже, что сурок,
Без света божьего в груди!
Он в Петербурге знал еще
О том, что болен тяжело.
Но с детства стойкостью взращен,
Он молча ждал судьбе назло.
Порой ронял полувсерьез:
«Мне лет пророка не дано!...»
Смеялся, чтоб не знали слез
Все те, кто к ним привык давно.
Наукой жизнь себе продлил,
Пусть и была так коротка,
Он знаньем столько душ вспоил,
Как полноводная река.
Изъездил Крым и Туркестан,

Кавказ, Россию и Сибирь.
Он жить не мог, не зная стран,
Не обнимая целый мир.
Как промелькнувший метеор,
Не задержался на постой,
Ах, что могли вменить в укор
Его безгрешности святой?!
С судьбой войдя в немую связь,
Доверясь сердцу и уму.
С самою смертью примирясь,
Он не раскрылся никому.
Поверил лишь бумаге он,
Как любит нас, своих родных.
Как пред женою удручен
За то, что долг его велик.
Столетний старец не познал

Того, что ведал он, юнец.
«Отец! – в конце он написал,
– Не убивайся так, отец!»
Я – завершение старины,
А он был нового вождем.
Стекают слезы, солоны.
Осиротел я стариком.
Беда – горчайшая из бед,
Он был моей живой водой.
Как будто в глаз камчой задет,
Давлюсь, захлестнутый слезой.

* * *

Наш холоден Ум, наподобие льда,
Горячее Сердце согреет всегда.
Разумность и такт,
прозорливость терпенья,
В нас Воли рождает тугая узда.
Держа в единении Ум, Сердце
и Волю,
Ты к цельности редкой придешь
без труда.
Но взяты поврозь, они будут
ущербны,
Не славят явлений, где много
вреда.

Живу неспособный смеяться
и плакать,
Лишь с сердцем мятущимся,
с коим — беда.
Ум, Сердце и Воля — ничто друг
без друга,
А Знание их суть пронесет
сквозь года.

* * *

К Аллаху дорога ведет не из уст,
Нетрудно любит на словах.
Раденье сердечное, искренность
чувств,
Иного не примет Аллах.
Всю силу природную, коей
велик,
Ты тратишь на творчество, горд,
Когда твой разумности сердца
родник
К Создателю рвением тверд.
Величие Творца не осилить уму,
Его не опишет язык.

Но, сущ несомненно, свидетель
всему,

Зачем, для чего он возник?!

Ни разум, ни чувства Его
не прозрят,

не прозрят,

Ты сердцем воспримешь Его.

Напрасно схоласты о догмах
твердят,

твердят,

Не знают они ничего.

Пусть овцы пройдутся

по мутной воде,

К ней жир не пристанет.

Волк, бедный, в беде.

Как волк тот, и я, озираясь

повсюду,

Сиротство и брошенность вижу

везде.

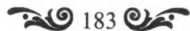
Неужто мне доли иной не дано?

Земную юдоль презираю давно.

Душа моя сирая, бьется, взлетая.

Но как ни кружила бы, всюду

ТЕМНО.

Я думаю полн о Всевышнем
одном,
Влечет Он к себе меня ночью
и днем,
Но смертного разум бессилен
пред Богом,
Плоды его вянут в усилье
пустом.
Познание иного подвластно уму,
Я только Творца своего
не пойму,
В бессилье заснув, я глаза
открываю,
Чтоб вновь попытаться
проникнуть к Нему.
Сомнением я не затронут ничуть,

И все же, без мыслей о Нем
 не вздохнуть,
Умом не дойдя, не приму я
 на веру,
Не дрема, а страсть распирает
 мне грудь.
Он сам беспределен, всем нам
 дав предел,
Однако, вернуться к Нему наш
 удел.
И если о Нем, как о цели
 не думать,
К чему вереницы бессмысленных
 дел?!

Путь жизни – тропа, что не знает
 конца.

Конец и начало ее – у Творца.
Тропа все петляет, так будь
осторожен,
Пройди, не теряя пути и лица.

* * *

И сам Он, и слово Аллаха верны,
Не верить же истине мы
не вольны.
Книг много пришло от Него,
но четыре
В познание Аллаха предельно
важны.
Молитву «Я верую» кто
не читал?
Страницы священные кто
не листал?
Аллах неизменен, но суетны
люди.

Он к ним снизойдя, их к себе
привязал.
Сменялись эпохи, сужденья,
дела...
Пророков чреда за собою вела.
Менялись законы и правила веры,
Потребность в Аллахе все
той же была.
Всяк сущий сойдет, неизменен
Аллах.
Любой правоверный вам скажет,
что так.
В себе с вожделеньем своим
не враждуя,
Нельзя человеку стать лучше
никак.

С любовью великой Он создал
людей.
И ты возлюби Его жизни
сильней.
Люби, словно братьев, людей
всех на свете
И чти справедливость всей
сутью своей.
Три этих любви – твоей совести
цвет.
Ты знай, что их выше материи
нет.
Подумай, и, жизни потом
не жалея,
Сумей донести людям истины
свет.

В нем вера твоя и раденье твое,
И истины друг тот, кто это
поймет.

Бахвальство, корысть,
вожделенье – три дела,
С которыми нет продвиженья
вперед.

И пост, и молитвы, налоги
и хадж,
Блюди, если нравится, всякий ты
раз.

Без тройки начальной последних
четыре

Плодов не дадут, коих можно
есть всласть.

Твоя голова выше шеи твоей.

Ты в том соразмерность увидеть
сумей.

В начале всего ставит Бог
очередность,
Без веры что толку – радей,
не радей?!

Имамы свой сказ о служенье
вели.

Раздумьем разумные к вере
пришли.

И сколько ты веру не чисти
снаружи,

Внутри она будет негодной,
в пыли.

Аллах совершенен, велик
и пророк.

Муслиму их путь – подражання
урок.
Коран – это слово Аллаха. Он
верен,
Но как ни толкуй, бесконечно
глубок.
Аллах и пророк завещали нам
путь.
На этом пути будь усердием
крут.
Бахвальство, корысть,
вожделенье греховны,
Когда же в себе обуздаем мы
блуд?!
И если муслим ты, то с верою
будь.

Она не позволит с дороги
свернуть.
Уверовав искренне, верен будь
вере,
Напрасен мунафика тщательный
труд.
Меня и без слов пронигает
Аллах.
Не числи Аллаха слугу во
врагах.
Собрат мой по вере, не спор
с очевидным,
Подумай, яви человечности знак.

* * *

Посмотри, этот мир тебя грабит,
жесток.
Прежних сил в тебе нет и лицом
ты поблек.
С жизнью, где за надеждой
стоит сожаленье,
Состязаться в задоре, признай,
ты не смог.
Есть ли сладость, чей вкус
никогда не пройдет?
Если жизни скупой так недолог
полет,
Разве стоит в ней что-то, чтоб
ссориться с ближним,

Или с другом расстаться, спеша
лишь вперед?
Пусть губами в тебе не глаголет
язык,
Лицемерию плоти служить он
привык,
Где язык – без костей, губы
виснут без края,
Закрывая, как пологом, истины
лик.

Щенка, обучая, я вырастил в пса.
Меня укусил он мгновенно.
Кого-то стрелять научил я и сам
Стал первою жертвой мергена.

196

197

Продай хоть усердьё своё ты
за скот,
Хоть грязью скверни чистоту
своих вод.
Не сможешь, ты, всё же, быть
призрачной жизни,
Всё радости тихо она украдет.
Бесчестный весь мир почитает
своим,
Владеет азарт присвоения им.
Но если душа отделится от тела,
Что толку в азарте? Он неутолим.
Имей состраданье к изведавшим
крах
И людям служи, разбиваясь
во прах.

За то, что любил ты любимое
богом,
Возлюбит тебя благодарно Аллах.
Служи, да не всем. Не сливайся
с толпой.
В толпе, что ни день, погибает
изгой,
Добро, справедливость – основа
сознания.
Везде, где они, не пройди
стороной.
Пусть кто-то проворней, а кто-то
умней,
Но каждый охвачен заботой своей.
Прохвосты стараются зря в
мелководье,
– И вера, и истина глубже морей.

* * *

В час иной, брюхо туч распоров,
Проливается дождь обложной.
Одинок, без стенаний и слов,
Истекаешь горючей слезой.

Дождь прошел, вслед за ним
во весь рост

Зеленеет земля и цветет.
Разболевшись от пролитых слез,
Голова твоя кругом идет.

СЛОВО МИРЗЫ

Прими, красавица, привет!
Стада и жизнь возьми вослед.
Вскипают слезы на глазах,
Когда тебя все нет и нет.
Не превзойдет тебя никто,
Затмишь любую ты зато.
На этом свете я иной
Не возжелаю ни за что.
От слов своих не отступлюсь,
С пути прямого не собоюсь.
Пусть далека ты иль близка,
Душою всей к тебе стремлюсь.
Иной уже не быть милей

Тебя – избранницы моей.
На тесном ложе бы вдохнуть
Мне нежный запах меж грудей.
Я шелк волос твоих сомну.
Нога к ноге к тебе прильну,
Закрыв глаза, пьяны душой,
Познаем радость мы одну.
В тебе – краса, внимание – в нас,
Вот правда вся, что без прикрас.
От милой прелести твоей
Не отвести никак мне глаз.
Когда сойдемся к плоти – плоть
Когда жар губ твоих проймет,
Когда огонь, что жег меня
Вдруг опалит и мой живот.
Когда я сердцем изнемог.

Когда конца не знать не мог.
Я сокол тот, что коготь свой
Для лучшей жертвы приберег.
Чего б ни сделала, все в лад,
Смотрю стократ и снова рад.
Час от часу ты ближе мне
И вне надуманных преград.
Ты мой фазан, – с крылом,
как медь,
Открой лицо, дай рассмотреть.
Дай впиться в шею, подойди,
Прижмись ко мне, моя ты впредь.

СЛОВО БИКЕ

Вы оплели меня хвалой,
Опасно ей внимать порой.
Решайте сами, мне ли знать,
Что означает ваш настрой?!
Мы, девы, тоже не без глаз,
Страшимся притких всякий раз,
Но вы мне дороги. Нет сил
Мне отказать при виде вас.
В вас равнозначны ум и слог.
Я масло, вы же – уголек.
Слова любви вошли в меня,
Растаять маслу – не в упрек.
Возьмете в дом свой – дай то Бог,
Но если бросите в свой срок,

Меня презренней не найти
Средь всех, кто сир и одинок.
Что делать, если не нужна,
Я окажусь оскорблена,
Не увлекайте, если в вас
Не ждет меня любовь одна.
Подобна горю будет грусть,
Я до земли душой согнусь.
Чужое ложе мне без вас
– Могила мерзкая как гнус.
Вы сокол царственный, что строг
Со всей земли берет налог.
Таких как я, бедняг не счесть,
Что обивают ваш порог.
Я по душе вам, мой герой?
Когда не нужно вам иной,
Вы – сокол мой, я – ваш фазан,

Берите, насыщайтесь мной!
Я, расстилаясь, словно шелк,
Дразня, как гибкий стебелек,
Отдамся вам, чтоб страсть моя
Нашла исход свой и исток.
Здесь мысли вверены перу,
Вы знайте, что они к добру,
Читайте, юноши, письмо,
Когда придется по нутру.
Кому полюбится оно,
Тому его и спеть дано.
Кому споет, тому споет,
— Тому оно посвящено.
Пусть собирает песни он,
Напев заучит, увлечен.
Мне жаль, что бедный наш Кокпай,
Такой вот песней обделен!..

НА СМЕРТЬ ОСПАНА

Со стягом, не знавшим попражня,
Страх смерти отвергший
в дерзаннях,
С врагами сражавшийся рьяно,
Со стойкостью чуждой
блужданий,
Сумевший прожить без изъяна,
С задором, где нет убыванья,
Сберегший и сердца пыланье,
Смятенья не знающий тину,
С округой родною, чья зелень
Сияла презрев увяданье,
С рекой величавой, чьи воды

Сверкали, поправ усыханье,
С лицом, не познавшим закланья,
Со статью, не знавшей изгнанья,
С душой, не молящейся дряни,
Собрат мой, ты в смерти
избранник!

ВОСЬМИСТИШИЯ

Зазываешь, далек,
Одаряешь, глубок.
Избавляя от боли и мук,
Зная в чем уязвим,
Словом верным своим,
Возвращающий неuka в круг,
Мой стогласый, певучий язык,
Говори, раз уж так ты привык.

Ни кинжала клинок,
Ни иглы язычок
Не оставят такого следа,
Ты для знающих – мед,

Для невежды – не в счет,
Нет ни пользы ему, ни вреда.
Откажись от напрасных потуг,
Равнодушия слух к мысли глух.

В голове – не мозги,
Мыслей тоже – ни зги,
У невежды – один только смех.
Пред толпой он склонен,
Мнение сброды – закон,
Угодить он хотел бы на всех,
Если нет в тебе сил и ума,
То молчи, не блуждая впотьмах.

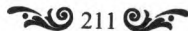
Раздражается кровь,
Но сочувствуешь вновь,
Когда видишь их нравы, их суть.

«Будь упорней, очнись!
Посерьезней возмись!» –
Назидает, желая встряхнуть,
Но без совести, чести, без дум,
Засыпают они на ходу.

Без собраний тишком,
Без шептанья тайком,
Не клюют на иного живца.
Суесловье одно,
Мыслить им не дано,
Даже сын не вникает в отца.
Бестолков он, беспечный балбес,
В его мыслях отсутствует честь.

Им бы сплетню ввернуть,
Камень скрытно метнуть,

Тогда каждый из них упоен.
Дуют в чванства трубу,
Нет покоя в гробу
От наветов, чей вечен трезвон.
Нет ни меры ни в чем, ни стыда.
Здесь не тянутся к ним никогда.

Ты обид не таи,
Средь людей будь своим,
Тебе путь свой найти уж пора.
Глупый смех баловства
Вздорный путь шутовства,
Доведут ли тебя до добра?!
Если лень одолеешь в труде,
Будешь сыт, не канюча везде.

Изучая, познай,
Как взрастить урожай,

В чем торговли глубинный закон,
В рвенье чистом своем,
Добывай все трудом,
Вот тогда есть в веселье резон.
Раз не дружит с казахом казах,
Им не будет удачи в делах.

Угоняют твой скот,
В тяжбах ты – что ни год.
Чем вражду разжигать – помирись.
Плутовство и грабеж,
Суд, насилие, ложь
Ни к чему – не отмыться

ни в жизнь.

Если есть в тебе совесть и честь,
Надо эти слова им прочесть.

Если сыт ты, как скот.
И не знаешь забот.
Значит, ты у беспутства в руках.
В склоках вздорных все злей,
Ополчась на друзей,
Ты себя обрекаешь на крах.
Скоро рухнет доносов гора,
Образумиться, друг мой, пора!

Кто сказал вам: «Гуляй!
Табуны угоняй!
Дурью майся! Безделье – твой
труд!»

Ловкачи-шустряки,
Подлых дел знатоки,
Разве могут наставить на путь?!

Нрав окрепший за несколько лет,
Став привычкой приносит лишь
вред.

Плоть не ведает мук,
Душу точит недуг,
Белый свет мне от боли не мил.
Жжет обида меня,
Хуже день ото дня,
Исхожу я слезами, без сил.
Беззаботность и сытость любя,
Порастратил вконец я себя.

Силы ныне не те,
Не дойти мне к мечте.
Путь к ней долог, а жизнь –
коротка.

Отпылал мой расцвет,
И красы былой нет,
Что глупее тоски старика?!
Не вернуться с дороги домой,
Жаль, припасов взял мало с собой.

Нет невеждам конца,
Не унять подлеца.
Процветают, как прежде, они.
Дни, когда был силен,
И людьми вознесен,
В перебранке прошли, не вини.
О несбыточном пекся, простак!
Не восстану из праха никак!

«Краснобай! Грамотей!
Мастер всяких затей!» —
Так хотелось вам зваться всегда.

Чтобы в страхе народ
Трепетал круглый год
Перед вами, иначе — беда!
Неугодных развеете в пыль,
Только верных оцените пыл.

Ладно, сдался народ.
Пусть он в страхе живет.
Ты подумал, что ждет впереди?!
В схватке этой крутой.
Он следит за тобой,
Ты, попробуй, за ним уследи!
Если мужу жена неверна,
Убоится ли слезки она?!

Без друзей, одинок,
Как протянешь свой срок?!

Голова твоя кругом пойдет!
Сверстник, что обогрет,
Знал твой всякий секрет,
Отвернется, набив чуть живот.
Он тебя ненавидит нутром,
Он змея, что пробралась в твой
дом.

Весь в пыли и крови,
Он клянется в любви,
Слезно просит прощения он.
Спотыкаясь, бежит.
Как убог его вид.
А ведь был он тобой вознесен!
Так чего же ты, милый, достиг?
Постыдился бы, если велик?!

Тявкнет пес и малыш
С палкой кинется: «Кыш!»
Зло сорвать на собаке он рад.
Крикнут взрослые: «Стой!
Ишь, нашелся герой!
Как не стыдно! А ну-ка, назад!»
Так и ты, если грешен, сумей
Повиниться пред честью своей.

В знаньях – голос мечты,
Будь свободен и ты
Для мечты, призывающей в путь.
Кто несведущ, тот слеп,
Ему нужен лишь хлеб,
Чтоб наевшись, немедля уснуть.
И не тут, и не там – не у дел,
Мой, однако, несладок удел.

Знания чтя всей душой,
В мир собравшись большой,
Я всмотрелся в два края Земли.
Отошел от невежд,
Без ушей и без вежд,
Что ни слушать, ни внять
не могли.

Нет для воли задачи трудней:
Удержаться меж двух кораблей.

Я к утесу ходил,
Криком там исходил,
Эхо долго катало мой крик.
Изучая тот звук,
Я прошел путь наук,
Мне казалось, я много постиг.

Но утес, он на то и утес,
Крик мой канув, нигде не пророс.

На коне, без коня,
— Каждый топчет меня,
До стихов ли им в схватке
такой?!

Сердцу больше не в мочь,
Мне ничем не помочь,
Выкипаю, с досады, слезой,
Если скорбь опаляет и жжет.
Как не плакать мне ночь
напролет?!

Пух перин, как доска,
Отлежал все бока,

Нет покоя и сон не идет.
А вокруг – шепотки,
Пересмешки, смешки.
Не похоже, что в думах народ.
Бытие разменявши на быт,
В нем дешевая хитрость царит.

От отца – вшестером,
Мать любя, вчетвером,
Рождены мы и всеми я чтим.
Но, родней окружен,
Прозреваю, смущен:
«Я покинут народом своим!»
Как могила шамана в глуши,
Одинок я, со мной – ни души!

ӨЛЕНДЕР

* * *

Қалың елім, қазағым, қайран
жұртым,
Ұстарасыз аузыңа түсті мұртың.
Жақсы менен жаманды
айырмадың,
Бірі қан, бірі май боп екі ұртың.
Бет бергенде шырайың сондай
жақсы,
Қайдан ғана бұзылды сартша
сыртың?
Ұқпайсың өз сөзіңнен басқа
сөзді,
Аузымен орақ, орган өңкей
қыртың:

Өзімдікі дей алмай өз малыңды
Күндіз күлкің бұзылды, түнде
үйқың.
Көрсө қызар келеді байлауы жоқ,
Бір күн тыртың етеді, бір күн –
бұртың.
Бас-басына би болған өңкей
қиқым,
Мінеки бұзған жоқ па елдің
сыйқын?
Өздеріңді түзелер дей алмаймын,
Өз қолыңнан кетпесе, енді өз
ырқың.
Ағайын жоқ нәрседен етер бұртың,
Оның да алған жоқ па құдай
кұлқын?

Бірлік жоқ, береке жоқ, шын
пейіл жоқ,
Сапырылды байлығың, баққан
жылқың
Баста ми, қолда малға талас
қылған
Күш сынасқан күндестік
бұзды-ау шырқың.
Оңалмай бойда жүрсе осы
қыртың,
Әр жерде-ақ жазылмай ма,
жаным, тырқың?
Қай жеріңнен көңілге қуат
қылдық,
Қыр артылмас болған соң, мінсе
қырқың?

Тиянақсыз, байлаусыз байғұс
қылпың,
Не түсер құр күлкіден
жыртың-жыртың,
Ұғындырар кісіге кез келгенде
Пыш-пыш демей қала ма ол да
астыртын?

• • •

Ішім өлген, сыртым сау,
Көрінгенге деймін-ау:
Бүгінгі дос – ертең жау,
Мен не қылдым, япырмау?!
Өз үйінде өзендей
Күркірейді, айтса дау.
Кісі алдында кірбендеп,
Шабан, шардақ және шау.
Мұндай ма едің ана күн,
Мұның қалай, батыр-ау?
Үш күн арқан босаса,
Бола қалдың басасау.
Жан қысылса, жайтандап,
Жанды еріткен жайдары-ау.

Жан жай тапса, сен неге,
Жат мінезсің жабырқау?
Ұрлық пенен қулыққа,
Байлағанда, кестің бау.
Берерменде бесеусің,
Аларманда және алтау.
Топ болғанда көресің
Турлі дауды жүз тарау.
Аяғында сендейлер
Кермей жүр ме қанталау?
Қайта келер есікті
Қатты серіппе, жарқын-ау!
Жетілсең де, жетсең де,
Керек күні бір бар-ау.

* * *

Базарға, қарап тұрсам, әркім
барар
Іздегені не болса, сол табылар.
Біреу астық алады, біреу маржан,
Әркімге бірдей нәрсе бермес
базар.
Әркімнің, өзі іздеген нәрсесі бар,
Сомалап ақшасына сонан алар.
Біреу ұқпас бұл сөзді, біреу ұғар,
Бағасын пайым қылмай аң-таң
қалар.
Сөзді ұғар осы күнде кісі бар ма,
Демеймін жалпақ жұртқа бірдей
жағар.

Жазған соң, жерде қалмас тесік
моншақ,
Біреуден біреу алып, елге тарар.
Бір кісі емес жазғаным, жалпақ
жұрт қой,
Шамданбай-ақ, шырақтар, ұқсаң
жарар.
«Ит маржанды не қылсын» деген
сөз бар,
Сәулесі бар жігіттер бір ойланар.

* * *

Патша кудай, сиындым
Тура баста өзіңе.
Жау жағадан алғанда,
Жан көрінбес көзіме.
Арғын, Найман жиылса,
Таңырқаған сөзіме.
Қайран сөзім қор болды,
Тобықтының езіне.
Самородный сары алтын,
Саудасыз берсең, алмайды
Саудыраған жезіне.
Саудырсыз сары қамқаны
Садаға кеткір сұрайды
Самарқанның бөзіне.

Кеселді түйін шешілсе,
Кердең мойын кесілсе,
Келмей кетпес кезіне.
О да кудай пендесі,
Түспей кетер деймісің
Тәңрінің құрған тезіне?

• • •

Жүрегім, ойбай, соқпа енді!
Бола берме тым күлкі.
Көрмейсің бе, тоқта енді,
Кімге сенсең, сол шикі.

«Жеті қозы – тас бауыр,
Туңілер де отығар».
Сорлы жүрек мұнша ауыр
Неге қатты соқтығар?

Сенісерге жан таба алмай,
Сенделеді ит жүрек.
Тірілікте бір қана алмай,
Бұл не деген тентірек?

Жоқ деп едің керегің,
Топ жиып ең бір бөлек
Кезек келер демедің,
Ендігі керек қай керек?

* * *

Ғашықтың тілі – тілсіз тіл,
Көзбен көр де, ішпен біл
Сүйісер жастар қате етпес,
Мейлің илаң, мейлің күл

Ол тілге едік ондайлы
Қаріпсіз біліп сондайды.
Біліп-ақ, ұғып қоюшы ек,
Енді ішіме қонбайды.

СОДЕРЖАНИЕ

Абай – мыслитель и поэт.
С.А.Мансурова. 6

СЛОВА-НАЗИДАНИЯ

Фрагменты

Перевод Виктора Шкловского

Первое слово.	14
Второе слово.	19
Третье слово.	24
Четвертое слово.	33
Пятое слово.	38
Шестое слово.	41
Девятое слово.	44
Десятое слово.	47

Семнадцатое слово.	55
Девятнадцатое слово.	62
Двадцать пятое слово.	64
Двадцать восьмое слово.	70
Двадцать девятое слово.	75
Тридцатое слово.	79
Тридцать первое слово.	82
Тридцать второе слово.	84
Тридцать шестое слово.	90
Сорок первое слово.	95
Сорок четвертое слово.	98
Сорок пятое слово.	101

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод Ауэзхана Кодара

Весна.	104
Лето.	113
Осень.	117

«Вот ноябрь и декабрь...».	121
Зима.	126
Охота с беркутом.	129
Описание коня.	137
«Молодым до науки дойти...».	141
«Без знаний нос не задирай...».	143
«Поэзия – слов благороднейших...»	148
«Огнем и пламенем рожден...».	155
«Отнюдь не досужий...».	157
«Когда есть в сердце свет ума...». ...	160
«Бездумен сияющий взгляд...».	163
«Если волей в себе не силен...». ...	165
«Пусть хвалят люди...».	169
«Со старой надеждой...».	173
«В тот час, когда сгущаясь, тени...»	175
На смерть Абдрахмана.	177
«Наш холоден Ум...».	179
«К Аллаху дорога ведет...».	181
«Пусть овцы пройдутся...».	183

«И сам Он, и слово Аллаха верны...»	18
«Посмотри, этот мир тебя грабит...»	19
«Грядущее скрыто в тумане...»	19
«В час иной, брюхо туч распоров...»	20
Слово Мирзы	20
Слово Бике	20
На смерть Оспана	20
Восьмистишия	20

ӨЛЕҢДЕР

«Қалың елім, қазағым...»	22
«Ішім өлген, сыртым сау...»	22
«Базарға, қарап тұрсам...»	23
«Патша қудай, сиындым...»	23
«Жүрегім, ойбай, соқпа енді!...»	23
«Ғашықтың тілі – тілсіз тіл...»	23

